

Максимов Владимир Владимирович

"МЕРТВЫМ НЕ БОЛЬНО" В. В. БЫКОВА: СВОЕОБРАЗИЕ ЭПИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

В статье представлен анализ одного из ключевых военных произведений В. Быкова - повести "Мертвым не больно". Уточняется видение эпического конфликта текста, определившего его сюжет и систему персонажей. Концептуальный строй повести осмысливается на основании разрыва между Словом (приказом) и Делом (исполнением). Уникальность художественно-повествовательных решений, предложенных автором, связывается с образом Сахно и композиционно-сюжетными мотивами искушения и испытания властью в условиях войны и мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 129-131. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

В данном разделе работы был осмыслен лингвистический аспект гордости. На материале славянских языков мы проанализировали формирование концепта «гордость» и выделили на синхронном уровне несколько понятийных пар: «гордость» – «высокомерие», «гордость» – «мужество», «гордость» – «честолюбие», «гордость» – «патриотизм». Эти пары выступают результатом исторического развития семантического поля гордости. Таким образом, видим, что язык участвует в институционализации высокомерия, мужества, честолюбия, патриотизма и является средством усвоения культурных навыков и способом социализации индивидов. Особо следует отметить, что категория «гордость» исследуется в славянской «концептосфере». За основу берется русский язык с некоторыми другими славянскими языками (польским, чешским, болгарским). Обращение к феномену гордости в контексте истории русского языка и лингвистической компаративистики помимо важных филологических выводов еще раз призвано подчеркнуть связь языка и нравственности.

Список литературы

1. Береснева Н. И. Философия языка: проблема бесконечности // Философия и общество. 2005. № 3. С. 146-159.
2. Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь: около 58 000 слов. М.: Русский язык, 1986. 768 с.
3. Богуславский А. Краткий русско-польский и польско-русский словарь: 7000 слов общеупотребительной лексики. Варшава: Wiedza Powszechna, 1973. 700 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. А – З. 699 с.
5. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. И – О. 779 с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1980. Т. 3. П. 555 с.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1982. Т. 4. С – В. 683 с.
8. Копецкий Л. В. Чешско-русский словарь: 62000 слов: в 2-х т. М.: Русский язык, 1976. Т. 1. 580 с.
9. Копецкий Л. В. Чешско-русский словарь: 62000 слов: в 2-х т. М.: Русский язык, 1976. Т. 2. 863 с.
10. Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 960 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.

LINGUISTIC-HISTORICAL COMPREHENSION OF PRIDE BASES

Logunova Elena Germanovna, Ph. D. in Philosophy
Kalashnikov Izhevsk State Technical University
gerrusskih@gmail.com

In this research we will consider language as socialization process foundation. It is supposed that people speaking different languages perceive the world and think differently. Linguistics allows ascertaining definite correlation between people's language and mentality, because it is the words that create each person's spirit as a language bearer. The presented article is devoted to researching "pride" notion in the Slavic language group. The paper topicality is substantiated with the necessity of pride deeper comprehension as a polyvariant category.

Key words and phrases: pride; correlates; arrogance; courage; patriotism; ambition; vocabulary; language.

УДК 82.0

Филологические науки

В статье представлен анализ одного из ключевых военных произведений В. Быкова - повести «Мертвым не больно». Уточняется видение эпического конфликта текста, определившего его сюжет и систему персонажей. Концептуальный строй повести осмысливается на основании разрыва между Словом (приказом) и Делом (исполнением). Уникальность художественно-повествовательных решений, предложенных автором, связывается с образом Сахно и композиционно-сюжетными мотивами искушения и испытания властью в условиях войны и мира.

Ключевые слова и фразы: военная повесть; эпический конфликт; сюжет; система персонажей.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
v_v_maksimov@rambler.ru

«МЕРТВЫМ НЕ БОЛЬНО» В. В. БЫКОВА: СВОЕОБРАЗИЕ ЭПИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА[©]

Актуальность обозначенной темы определяется двумя основными моментами. Во-первых, историко-литературным аспектом, так как повесть «Мертвым не больно» (1964) [1] оказалась переломным текстом не только в рамках персональной художественной системы писателя, но и в контексте повествовательной субтрадиции, посвященной событиям войны 1941-1945 гг. Она вызвала острую критику современников [4],

причем вопрос о причинах литературно-критического неприятия произведения до сих пор остается неосвещенным. Во-вторых, повесть представляет определенный интерес и для теоретика литературы, так как здесь впервые автор обращается к магистральной для современной военной прозы повествовательной модели и вносит новые решения в поэтику бинарной наррации, или сдвоенный рассказ о герое и предателе [3].

Уникальность предложенных Быковым повествовательных решений связана со способами моделирования эпического конфликта, а также производных от него моментов сюжетного пространства и системы персонажей. Если в классических военных текстах эпический конфликт воплощался в форме столкновения *своих* и *чужих* (врагов), то в неклассических произведениях основная ось конфликта проходила по линии столкновения *своих* со *своими*.

Изображая ситуацию победоносного наступления советских войск в районе Кировограда, в ходе которого в тылах одной из дивизии остается танковый батальон неприятеля, автор с самого начала возвращается к **представлению о войне как господству рокового случая**. В этом плане самоуверенность *чужих* (1941 год) и самоуспокоенность *своих* (1944 год) становятся абсолютно эквивалентными состояниями воюющих, которые чреватые не столько победами, сколько поражениями и необходимостью извлечения уроков из непростительных ошибок. Автор создает уникальную систему персонажей, в составе которой в мир *своих* встроено присутствие *чужого*, военнопленного ефрейтора Энгеля. Изначальная враждебность к нему со стороны красноармейцев постепенно заменяется нейтральным и даже доброжелательным отношением, особенно после того, как он, попадая в передвижной санбат дивизии, исполняет на гитаре любимые красноармейцами песенные мелодии «Синенького платочка» и «Огонька», быстро и умело разделяет зайцев для ужина раненым и сообщает о себе и о своей семье. В то же время, кроме принимающего отношения к *чужому*, в произведении постоянно прорывается и враждебность к пленному фашисту: несколько раз его пытаются убить раненые бойцы, оказавшиеся рядом с Энгелем; он попадает под подозрение особиста Сахно; позже к нему крайне злобно и настороженно относятся и *свои*, захватывающие в плен группу советских бойцов, в составе которой он оказывается. Немаловажным обстоятельством становится и последний факт: именно Энгелю поручается убить беспомощного Василевича, и бывший подконвойный выполняет этот приказ. К сопутствующим эпизодам прямого столкновения *своих* с *чужими* относятся еще и рассказ Юрия Стрелкова, фронтowego друга Василевича, об удачной операции гвардейского полка, уничтожившего 300 фашистов в коротком ночном бою, а также центральный в сюжетном плане эпизод неравного боя небольшого подразделения под командованием сержанта ДОП Евсеенко с танковым батальоном противника.

Тщательно исследуется автором совершенно другая событийная линия, связанная с многочисленными эпизодами вражды и непонимания между *своими*. Уже с самого начала намечаются два мотива, которые эпизодически встречались и в произведениях современников Быкова, но в его повествовании именно они становятся концептуальными в идеологическом и ключевыми в событийном аспектах: мотив авторитетности (или неавторитетности) командира и исполнения (или неисполнения) приказа. Так, командира шестой роты, старшего лейтенанта Кротова снимают с должности и отправляют в тыл полка за то, что его подразделение, войдя без разведки в одну из деревенок и переночевав в ней, «побраталось с фашистами», которые тоже провели ночь здесь же. Такой казус фронтовой жизни не мог остаться без внимания особого отдела, и, по решению Сахно, Кротова отправляют в штаб полка на расследование всех обстоятельств этого недопустимого и подозрительного перемирия. Еще одна линия напряженного раскола в стане *своих* связана с безуспешными попытками младшего лейтенанта Василевича передать вышестоящим чинам важную информацию о вражеской танковой засаде внутри тыловых потоков своей дивизии, которые сначала наталкиваются на полное безразличие с их стороны, а в конце и на серьезное предупреждение не распространять панические слухи среди стремительно наступающих порядков. Негативное отношение *своих* к *своим* имеет в повести Быкова разные оттенки: от добродушного полубодного юмора и подначек до резкого окрика, прямых угроз и оскорблений, сопровождающихся длительным подозрением в адрес *своего*. Солдат шестой роты после Курского сражения однопольчане насмешливо называют «бомболовами», хотя многие уже и не помнят, почему к ним прилипло это прозвище; в глупой перестрелке между двумя бойцами ДОТ сержант Евсеев убивает рядового своего подразделения Хусаинова, который отказывается освободить для перевозки раненых вверенную ему подводу с шинелями и первым открывает стрельбу по сержанту; стремясь остановить панический драп *своих*, Сахно, сам находящийся в состоянии безотчетного страха, хаотично стреляет по ним, а потом посылает небольшую группу бойцов, чтобы те остановили танковый прорыв, при этом сразу же исчезая с поля боя; он же принуждает друга Васильченко, Юрия Стрелкова, покончить жизнь самоубийством, так как, по его словам, именно из-за него, тяжелораненого, не способного передвигаться, группа не может пробиться к своим. Все эти и многие другие эпизоды свидетельствуют о фундаментальном неблагополучии в мире *своих*.

Автор вводит в повествование дополнительный новый мотив, проявляющийся в том, что приказы командиров разных уровней перестают действовать, а сам авторитет приказывающего лишается безусловной уставной силы. Слово и Дело, командир и подчиненные оказываются в разных реальностях, они больше не связаны. Именно в этом пункте и появляется так необходимая для определения своеобразия сюжета возможность пересечения персонажем «границы семантического поля» [2]. Военный приказ – это такое высказывание, в рамках которого полагаются две ситуации – наличная и должная, а также способ необратимого и неотменимого перехода из одной в другую. Приказ – это одновременно и руководство к действию, и само речевое действие, и его единственная из возможных интерпретация, но в повествовании Быкова именно эта однозначная определенность и предполагаемая исполнимость постоянно отменяются по воле случая. Поэтому ефрейтор Энгель вместо того, чтобы сразу же быть доставленным в пункт сбора военнопленных, надолго застревает среди красноармейцев, на переднем крае боев. По этой же причине никто не реагирует на сообщение

Василевича об опасной танковой засаде в тылу советских войск, никто не стремится предоставить транспорт для перевозки тяжелораненых в тыл, а в момент танковой атаки врага возникает не подчиняющаяся никаким приказам паника. Такое состояние дел становится питательной средой для деятельности Сахно и ему подобных, которые подозревают потенциально каждого из *своих*, постоянно что-то расследуют, кого-то допрашивают, заставляют подписывать быстро сфабрикованные протоколы, которые потом поступают в трибунал к Горбанюку и ему подобным и заканчиваются скорым судом, расстрелами и штрафбатами. Здесь сама практика военного следствия и судопроизводства возвышается над приказами, уставами, командирами и их подчиненными. Это высшая инстанция, под которую подпадают все, вне зависимости от погон и должностей, и которая, казалось бы, по своей сути должна была навести порядок и установить закон.

Благодаря этому в повести Быкова именно представители военного закона попадают в наиболее негативную позицию: их боятся и ненавидят *свои* же, а сами они в результате собственных действий приводят *свой* мир к еще большему расколу. Здесь поистине роковым сюжетным моментом становится назначение Сахно командиром небольшой воинской группы, в результате чего от нее остается в живых, и то благодаря случайности, только один человек – Василевич. Сахно расстреливает обгоревшего бойца; заставляет отыскать путь по занесенному снегом минному полю погибающего там сержанта-танкиста; из-за него же погибает санинструктор Катя; он же заставляет Юрия Стрелкова покончить жизнь самоубийством, а в финале, оказавшись в плену, Сахно стремится выслужиться перед врагами, чтобы спастись, и оставляет последнего бойца своей группы без поддержки и защиты.

Подведем итоги. Нарративная новизна повести определяется четырьмя моментами.

1. Мерой подвига у Быкова становятся этические качества того, кто выстоял, а те, кто не проходит испытания, попадают в сферу искушения властью, которая проявляется в самовольном распоряжении жизнями и судьбами других. Этот искус приводит в конечном счете к усиливающемуся разрыву всех связей между *своими* и обособлению каждого. Может быть, поэтому в послевоенной фабульной ситуации главный герой изображен вне дружеского и семейного круга, он один навсегда, хотя постоянно замечает и поддерживает все ситуации человеческой дружбы и любви в любой ситуации, именно эти ценности помогают ему верить в лучшее будущее.

2. Образное решение позиции особиста заключается в том, что он не изображен как носитель определенного идеологического кругозора. Для него *своим* является только тот, кто в чистом виде стремится победить. Те из *своих*, кто, попадая в военную ситуацию, не осуществляют этой задачи, попадают под подозрение как *чужие*, то есть предатели, дезертиры и трусы. С нравственной и познавательной точек зрения это абсолютно безжизненная схема, свойственная только исключительно мертвому человеку.

3. Такое видение позиции особиста проливает свет на название произведения. Как следует понимать эту странную формулу «мертвым не больно»? Кто полагается мертвым? На уровне фабулы это все члены пробивающейся в тыл своей дивизии группы Сахно, которые погибли, и поэтому теперь им, как погибшим, не больно, то есть безразлично, что будет дальше. Но на уровне сюжета единственно мертвым в повествовании является сам Сахно, не погибший, но мертвый по сути, так как ему абсолютно без разницы, что произошло и что будет дальше, лишь бы выжить самому. Стараясь возвыситься над войной и спрятаться за законы военного времени, он является своеобразной негативной формой онтологической персонификации войны. Где он – там война, война там – где он.

4. Рассказ об антигерое и его онтологической природе встроено в кругозор восприятия и памяти героя, принадлежащего не к деструктивному, а конструктивному полюсу системы персонажей. Подлинным предметом эпического видения автора остается не протагонист, а именно антагонист. Это был рискованный повествовательный ход. Тот, кого *герой* помнит и кто хуже этого помнящего *я*, более укоренен в бытии. Это оказалось одним из фундаментальных открытий Быкова, повлиявших на процесс перенаправления творческих усилий военных писателей с проблемы героизма на тему предательства.

Список литературы

1. **Быков В. В.** Мертвым не больно [Электронный ресурс]. URL: <http://gramotey.com/books/1269029788.htm> (дата обращения: 10.02.2014).
2. **Лотман Ю. М.** Структура художественного текста. СПб.: Искусство, 1998. 198 с.
3. **Максимов В. В.** Спектр нарративных форм военной повести второй половины XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027597> (дата обращения: 10.02.2014).
4. **Шагалов А. А.** Василь Быков. Повести о войне. М.: Худ. лит., 1989. 301 с.

"THE DEAD FEEL NO PAIN" BY V. V. BYKOV: PECULIARITY OF EPIC CONFLICT

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The article presents the analysis of one of the key military works by V. Bykov – the short novel "The Dead Feel No Pain". The vision of the epic conflict that defined its plotline and the system of characters is made more precise. The conceptual structure of the short novel is conceived on the basis of breach between the Word (order) and Deed (implementation). The uniqueness of artistic-narrative approaches suggested by the author is associated with the image of Sakhno and the compositional and story motives of temptation and test of power under the conditions of war and peace.

Key words and phrases: military short novel; epic conflict; plotline; system of characters.